

There are no translations available.

Гелприн Майк

Письменник-фантаст

Нью-Йорк, США

.

Скажите, какую книгу вы прочитали недавно? А когда это было? Нам некогда читать, некогда думать, некогда давать волю своему воображению, некогда наслаждаться языком, слогом, историей. Все откладываем и откладываем. А что если попробовать представить себе, что будет, когда суматошный ритм жизни и прогресс приведет к тому, что литература перестанет быть нужной, отомрет и останется только в сердцах преданных анахроничных людей?

Майк Гелприн написал рассказ «Свеча горела», в котором описал подобную ситуацию. Прочитайте его, пожалуйста, а вечером после работы подойдите к книжному стеллажу, выберите что-нибудь интересное и почитайте.

.

Свеча горела

.

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

- Здравствуйте, я по объявлению. Вы даете уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет - костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьезные. У Андрея Петровича екнуло под сердцем, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, еще двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

- Д-даю уроки, - запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. - Н-на дому. Вас интересует литература?

- Интересует, - кивнул собеседник. - Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» - едва не вырвалось у Андрея Петровича.

- Оплата почасовая, - заставил себя выговорить он. - По договоренности. Когда бы вы хотели начать?

- Я, собственно... - собеседник замялся.

- Первое занятие бесплатно, - поспешно добавил Андрей Петрович. - Если вам не понравится, то...

- Давайте завтра, - решительно сказал Максим. - В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

- Устроит, - обрадовался Андрей Петрович. - Записывайте адрес.

- Говорите, я запомню.

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

- Вы слишком узкий специалист, - сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. - Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники - вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф все еще достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чем немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд. Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать аэромобиль, старый, но надежный. Антикварный сервис, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мутило каждый раз, когда он вспоминал об этом - затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский - две недели. Бунин - полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг - самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

«Если этот парень, Максим, - беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, - если он... Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду».

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть.

Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

- Проходите, - засуетился Андрей Петрович. - Присаживайтесь. Вот, собственно... С чего бы вы хотели начать?

Максим помялся, осторожно уселся на край стула.

- С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

- Да-да, естественно, - закивал Андрей Петрович. - Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

- Нигде? - спросил Максим тихо.

- Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Еще более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия - в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... - Андрей Петрович махнул рукой. - Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

- Да, продолжайте, пожалуйста.

- В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал - стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем - люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше - за счет написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утер рукой вспотевший вдруг лоб.

- Мне нелегко об этом говорить, - сказал он наконец. - Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем,

что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

- Я сам пришел к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

- У вас есть дети?

- Да, - Максим замялся. - Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

- Да, - сказал Андрей Петрович твердо. - Научу.

Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

- Пастернак, - сказал он торжественно. - Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...

- Вы придете завтра, Максим? - стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

- Непременно. Только вот... Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, - Максим обвел глазами помещение, - могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счет оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

- Конечно, Максим, - сказал он. - Спасибо. Жду вас завтра.

- Литература - это не только о чем написано, - говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. - Это еще и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте.

Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя наизусть.

- Пушкин, - говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

«Таврида», «Анчар», «Евгений Онегин». Лермонтов «Мцыри». Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Высоцкий...

Максим слушал.

- Не устали? - спрашивал Андрей Петрович.
- Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста.

День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на нее времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днем постигал ее и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн. Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков. Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый. Классика, беллетристика, фантастика, детектив. Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

Однажды, в среду, Максим не пришел. Андрей Петрович все утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулезный педантичный Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил. К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извелся, и когда стало ясно, что Максим не придет опять, побрел к

видеофону.

- Номер отключен от обслуживания, - поведал механический голос.

Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю?

Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырех стенах стало больше невмоготу.

- А, Петрович! - приветствовал старик Нефедов, сосед снизу. - Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чем.
- В каком смысле стыжусь? - оторопел Андрей Петрович.
- Ну, что этого, твоего, - Нефедов провел ребром ладони по горлу. - Который к тебе ходил. Я все думал, чего Петрович на старости лет с этой публикой связался.
- Вы о чем? - у Андрея Петровича похолодело внутри. - С какой публикой?
- Известно с какой. Я этих голубчиков сразу вижу. Тридцать лет, считай, с ними отработал.
- С кем с ними-то? - взмолился Андрей Петрович. - О чем вы вообще говорите?
- Ты что ж, в самом деле не знаешь? - всполошился Нефедов. - Новости посмотри, об этом повсюду трубят.

Андрей Петрович не помнил, как добрался до лифта. Поднялся на четырнадцатый, трясущимися руками нашарил в кармане ключ. С пятой попытки отворил, просеменил к компьютеру, подключился к сети, пролистал ленту новостей. Сердце внезапно зашло от боли. С фотографии смотрел Максим, строчки курсива под снимком расплывались перед глазами.

«Уличен хозяевами, - с трудом сфокусировав зрение, считывал с экрана Андрей

Петрович, - в хищении продуктов питания, предметов одежды и бытовой техники. Домашний робот-гувернер, серия ДРГ-439К. Дефект управляющей программы. Заявил, что самостоятельно пришел к выводу о детской бездуховности, с которой решил бороться. Самовольно обучал детей предметам вне школьной программы. От хозяев свою деятельность скрывал. Изъят из обращения... По факту утилизирован.... Общественность обеспокоена проявлением... Выпускающая фирма готова понести... Специально созданный комитет постановил...».

Андрей Петрович поднялся. На негнущихся ногах прошагал на кухню. Открыл буфет, на нижней полке стояла принесенная Максимом в счет оплаты за обучение початая бутылка коньяка. Андрей Петрович сорвал пробку, заозирался в поисках стакана. Не нашел и рванул из горла. Закашлялся, выронив бутылку, отшатнулся к стене. Колени подломились, Андрей Петрович тяжело опустился на пол.

Коту под хвост, пришла итоговая мысль. Все коту под хвост. Все это время он обучал робота. Бездушную, дефективную железяку. Вложил в нее все, что есть. Все, ради чего только стоит жить. Все, ради чего он жил.

Андрей Петрович, преодолевая ухватившую за сердце боль, поднялся. Протащился к окну, наглухо завернул фрамугу. Теперь газовая плита. Открыть конфорки и полчаса подождать. И все.

Звонок в дверь застал его на полпути к плите. Андрей Петрович, стиснув зубы, двинулся открывать. На пороге стояли двое детей. Мальчик лет десяти. И девочка на год-другой младше.

- Вы даете уроки литературы? - глядя из-под падающей на глаза челки, спросила девочка.
- Что? - Андрей Петрович опешил. - Вы кто?
- Я Павлик, - сделал шаг вперед мальчик. - Это Анечка, моя сестра. Мы от Макса.

- От... От кого?!
- От Макса, - упрямо повторил мальчик. - Он велел передать. Перед тем, как он... как его...
- Мело, мело по всей земле во все пределы! - звонко выкрикнула вдруг девочка.

Андрей Петрович схватился за сердце, судорожно глотая, запихал, затолкал его обратно в грудную клетку.

- Ты шутишь? - тихо, едва слышно выговорил он.
- Свеча горела на столе, свеча горела, - твердо произнес мальчик. - Это он велел передать, Макс. Вы будете нас учить?

Андрей Петрович, цепляясь за дверной косяк, шагнул назад.

- Боже мой, - сказал он. - Входите. Входите, дети.

Джерело: www.klub-chitatelej.livejournal.com

На нашому сайті Ви можете дізнатися більше про моральність:

- [Моральність](#)

[У разі використання матеріалів цього сайту активне посилання на сайт обов'язкове](#)